

DOI 10.24412/2686-7702-2023-4-53-68

Япония и Китай: взаимное восприятие недавнего исторического опыта через призму оппозиции «Запад – Восток»

Кульнева Полина Викторовна^{1,2}

¹ МГИМО МИД России

² Институт востоковедения РАН

Аннотация. Статья посвящена анализу восприятия Китаем и Японией тяжёлого исторического опыта двусторонних отношений, который берёт начало в середине XIX в. при столкновении стран с давлением со стороны западного мира. Хронологические рамки исследования охватывают, таким образом, период, начинающийся с «опиумных войн» в Китае и реставрации Мэйдзи в Японии, проходят через кульминацию кризиса японо-китайских отношений – войну 1937–1945 гг. – и заканчиваются современностью, когда в обеих странах продолжается осмысление этого тяжёлого периода истории. Цель исследования – выявить роль западной составляющей во взаимном восприятии недавнего исторического опыта в Китае и Японии, рассмотрев это восприятие через призму оппозиции «Запад – Восток». Первая часть работы посвящена проблеме поиска странами своей национальной идентичности в условиях взаимодействия с западным миром во второй половине XIX – начале XX вв.; во второй части через призму оппозиции Запада и Востока рассмотрен процесс формирования памяти о японо-китайской войне 1937–1945 гг. в каждой из стран в послевоенный период. Исследование продемонстрировало, что фактор западного влияния достаточно значителен для понимания истоков и оценки последствий кризиса японо-китайских отношений, он отражается как на современном взаимодействии двух стран, так и на интерпретации ими своего исторического прошлого.

Ключевые слова: японо-китайские отношения, дихотомия «Восток – Запад», национальная идентичность, реставрация Мэйдзи, политика самоусиления, японо-китайская война 1937–1945 гг., историческая память, историческая травма.

Автор: Кульнева Полина Викторовна, кандидат экономических наук, участник научного коллектива проекта «Нарративы “исторических обид” в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии» МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, 76); научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). ORCID: 0000-0002-8699-5568. E-mail: kpoline@list.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00109 «Нарративы “исторических обид” в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии».

Для цитирования: Кульнева П.В. Япония и Китай: взаимное восприятие недавнего исторического опыта через призму оппозиции «Запад – Восток» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 4. С. 53–68. DOI 10.24412/2686-7702-2023-4-53-68

Japan and China: Mutual Perception of Recent Historical Experience through the Prism of the West-East Opposition

Kulneva Polina V.^{1,2}

¹Moscow State Institute of International Relations

²Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article is devoted to the analysis of the perception of difficult historical experience in bilateral relations by China and Japan, which dates back to the middle of the 19th century when both countries faced strong pressure from the Western world. The chronological framework of the study thus covers the period starting from the “Opium Wars” in China and the Meiji Restoration in Japan, makes a focus on the war of 1937–1945, which is viewed as the culmination of the crisis in bilateral relations, and ends with the current situation, when both countries are still trying to comprehend this difficult period of their history. The purpose of the study is to identify the role of the Western component in the mutual perception of recent historical experience by China and Japan, examining this perception through the prism of the West-East opposition. The first part of the article describes the process of Japan and China, searching for their national identities after facing with the growing pressure from the West in the second half of the 19th – early 20th century. The second part sheds light on the role of the Western component in the formation of historical memory in Japan and China, related to the recent war between them. The study demonstrates significance of the Western factor for understanding the origins of the crisis in Sino-Japanese relations and the assessment of its consequences for each country. It should be definitely taken into consideration for better understanding the current state of Sino-Japanese relations as well as the interpretation of historical past in both countries.

Keywords: Sino-Japanese relations, East – West dichotomy, national identity, Meiji Restoration, Self-Strengthening Movement, Sino-Japanese war of 1937–1945, historical memory, historical trauma.

Author: *Kulneva Polina V.*, Ph.D. (Economics), member of the research team of the project “Narratives of ‘historical grievances’ in the official discourse and state policy of the countries of Northeast Asia”, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) (address: 76, Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation); researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka st., Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8699-5568. E-mail: kpoline@list.ru

Conflict of interests. The author declares the absence on the conflict of interests.

Support. The research was funded by the Russian Science Foundation, grant No. 23-18-00109 “Narratives of ‘historical grievances’ in the official discourse and state policy of the countries of Northeast Asia”.

For citation: Kulneva P.V. Japonija i Kitaj: vzaimnoe vosprijatie nedavnego istoricheskogo opyta cherez prizmu oppozicii «Zapad – Vostok» [Japan and China: Mutual Perception of Recent Historical Experience through the Prism of the West-East Opposition]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 4: 53–68. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2023-4-53-68

Введение

Япония и Китай – государства Восточной Азии, которые тесно сотрудничают в экономической, культурной и других сферах, но обременены целым комплексом проблем, связанных с историческим прошлым и современным положением на мировой экономической и политической арене.

Противоречия японо-китайских отношений начали проявляться с особой остротой в середине XIX в., когда обе страны после долгой изоляции столкнулись с натиском западной цивилизации и необходимостью встраивания в систему международных отношений, поиска своего места в ней. В этом смысле многие проблемы и конфликты оказываются неразрывно связаны с периодом самоопределения стран в пространстве между Востоком и Западом, в том числе японо-китайская война 1937–1945 гг., ставшая кульминацией кризиса двусторонних отношений, а также издержки памяти о ней, которые мы наблюдаем в настоящее время.

В статье сделана попытка осветить проблему исторической памяти в японо-китайских отношениях через призму оппозиции Востока и Запада и показать, как эта дихотомия формирует болевые точки памяти в настоящее время. Анализ проводится с предпосылкой об условном делении стран мира на восточные и западные по социокультурному принципу, которое сложилось в европейской мысли в Новое время и остаётся принятым в современном геополитическом дискурсе. Осознавая европоцентричность этого подхода, мы исходим из того, что рассматриваемые страны Востока – Япония и Китай – также воспринимали западный мир как нечто внешнее и, столкнувшись с его влиянием, искали своё место в этой системе координат.

Цель исследования – выявить роль западной составляющей во взаимном восприятии недавнего исторического опыта в Китае и Японии, рассмотрев данное восприятие через призму оппозиции «Запад – Восток». Это определяет задачи исследования, которые состоят в том, чтобы показать, как формировалась национальная идентичность Японии и Китая в условиях взаимодействия с западным миром во второй половине XIX – начале XX вв.; осветить с этой точки зрения проблему исторической памяти, связанной с тяжёлыми событиями середины XX в., в первую очередь японо-китайской войной.

Поиск странами национальной идентичности между Востоком и Западом во второй половине XIX – начале XX вв.

В 1840–50-е гг. Япония и Китай, имевшие к тому времени схожие ценности и много общего в сферах государственного устройства, архитектуры, искусства и других достижений цивилизации (в первую очередь, в результате длительного влияния китайской цивилизации на Японию), столкнулись с беспрецедентными вызовами. Находясь под давлением со стороны западного мира, обе страны были вынуждены приспособливаться к новым условиям, не теряя при этом свою идентичность. История показала, что пути, по которым пошла каждая из них, оказались противоположными и имели разные последствия. Если Япония уже через несколько десятилетий после западного вторжения превратилась в одну из передовых стран мира, то Китаю потребовалось почти столетие, прежде чем он смог начать собственную модернизацию в условиях национального единства.

Освобождение Японии от монопольного влияния китайской культуры

Вторая половина XIX в. знаменует для Японии начало масштабных преобразований в политической, военной и социально-экономической сферах, которые проводились в русле последних достижений западного мира. Выбор этого пути модернизации был обусловлен прагматическими целями и осознанием сёгунатом превосходства стран Европы и Северной

Америки, наглядно продемонстрировавших своё влияние не только на Японию, но и на соседний Китай. В 1853 г. к Японии подошла эскадра США под командованием М. Перри, которая заставила правительство бакуфу подписать неравноправный договор и, после длительного периода самоизоляции Японии, открыть её порты для торговли. Примерно в это же время, в 1840–1842 и 1856–1860 гг., в цинском Китае разразились первая и вторая «опиумные войны» – вооружённые конфликты между западными державами и империей Цин. Великобритания, Франция и США требовали неограниченного права торговли на территории Китая, в том числе опиумом, и страна попадала под всё бóльшую от них зависимость, рискуя потерять суверенитет.

Если в Средние века наибольшее влияние на материальную и духовную культуру Японии оказывал Китай, находившийся на более высокой ступени развития, то после реставрации Мэйдзи¹ ситуация изменилась. Япония не только обратила взор к культуре западных стран, продемонстрировавших свою силу, но и стала по-другому относиться к соседу, который уже не внушал прежнего почтения. В период резкого сокращения контактов между странами (два века японской самоизоляции в 1641–1853 гг. и контроль торговли с иностранцами, введённый китайским правительством для защиты страны в XVIII – первой половине XIX в.) в Японии поддерживались прежние представления о Китае как о сильной и высокоцивилизованной стране, однако на фоне успешной модернизации Японии новое «открытие» Китая вызвало разочарование и даже презрение. В результате китайское влияние стало отходить на задний план на фоне доминирующего влияния Запада [Каткова, Чудодеев 2001: 43].

Эти процессы во многих отношениях перевернули представление японцев о внешнем мире и, наряду с изменением баланса сил между Китаем и Японией в пользу последней, привели к переосмыслению места Японии в мировой истории. С начала периода Мэйдзи японские учёные пытались вписать историю своей страны в западную историческую науку. В новом нарративе Запад заменил Китай в качестве идеализированной сущности, олицетворяющей прогресс и современность. Во многих случаях это означало отказ от целого пласта истории, привнёсшего в японскую культуру буддизм и конфуцианство [Такака 1993: 36–37]. Наряду со многими трудами мыслителей того времени показателен известный теоретический очерк «Дацуарон» (яп. 脱亜論, «Уход из Азии» / «Отречение от Азии») японского просветителя Фукудзава Юкити, опубликованный в газете «Дзидзи симпо:» в 1885 г. В нём Фукудзава призывает следовать за западным ветром, дующим на Востоке, не сопротивляться переменам, и если другие азиатские народы (китайский и корейский, которые названы в очерке «плохими друзьями») не спешат вставать на путь реформ и прогресса, то стоит «отречься от них» и связать свою судьбу с «цивилизованными народами Запада»².

Другая группа мыслителей высказывала противоположные идеи и призывала к единению всех азиатских народов в рамках концепции паназиатизма, причём особая роль в этом процессе отводилась Японии. Понимание Японией своей роли в мировом историческом

¹ Реставрация Мэйдзи – политические события и социально-экономические преобразования в Японии в 1868–1889 гг., направленные на модернизацию страны и одновременное сохранение её независимости в условиях давления западных держав.

² 脱亜論 [Теория ухода из Азии]. 時事新報 [Дзидзи симпо:], № 917. 16.03.1885. (На яп.). URL: <https://ja.wikisource.org/wiki/脱亜論> (дата обращения: 05.08.2023).

процессе нашло отражение в науке *то:ё:си* (яп. 東洋史, «история Востока»), появившейся в начале периода Мэйдзи в противовес *сэйё:си* (яп. 西洋史, «история Запада»). Если раньше, в эпоху Токугава, картина мира выстраивалась преимущественно вокруг Китая, который отдельно изучали науки *кангаку* (яп. 漢学, «китайские науки»), а самобытность японской культуры противопоставлялась им в рамках национальной науки *кокугаку* (яп. 国学, «изучение [своей] страны»), то теперь Китай, Япония и другие страны Азии были включены в единый ареал *то:ё:* (яп. 東洋, «Восток»). Это означало, что Япония больше не стоит с Китаем на разных ступенях развития, а относится к региону – такому же полноправному субъекту мировой истории, как и Запад. Соответственно, прогресс, достигнутый западными странами, стал считаться вполне достижимым для восточной страны, вставшей на путь реформ и модернизации.

Как отмечает известный японовед А.Н. Мещеряков, каждое столкновение Японии с иностранной культурой вызывало обратную реакцию в виде попыток самоидентификации и припоминания собственных корней [Мещеряков 1992: 15–20]. Это произошло и в XIX в., однако интенсивность этого процесса привела в данном случае к чрезмерному укреплению националистических настроений. Ускоренная модернизация Японии, в том числе в военной сфере, и растущая вера в миссию страны при возрождении региона, подкреплённая военными успехами (победой в первой японо-китайской войне и русско-японской войне), создали благоприятную почву для зарождения и развития милитаристской идеологии и стали основой для японской агрессии в Китае. Результатом такого видения Японией своей роли в мире и регионе стала концепция создания «великой восточноазиатской сферы процветания» – блока азиатских народов и государств, возглавляемых японской империей и свободных от контроля западных держав.

Попытка самоусиления Китая в условиях борьбы традиционных и прогрессивных идей

Как и Япония, Китай столкнулся в середине XIX в. с серьёзным вызовом для своей государственности – вероятно, самым значительным за всю предшествовавшую историю. Преследуя свои экономические интересы, страны Запада оказывали на страну возрастающее давление, требуя открытия портов для торговли, свободного доступа на китайский рынок, разрешения миссионерской деятельности и других привилегий. Экономическое и военное превосходство Запада привело к подписанию серии неравноправных договоров с невыгодными для Китая условиями.

Столкновение с западным миром совпало с традиционным для страны кризисом династийного цикла, который усугубился вследствие вмешательства извне. Вторая половина XIX в. прошла под знаком борьбы разнонаправленных сил, стремившихся освободить Китай от западного гнёта и свергнуть правящую маньчжурскую династию. Осознавая отставание страны от западного мира, часть этих сил считала необходимым заимствование ценностей, институтов и достижений у Запада. Так, выступая против западных колонизаторов, тайпины обращались к западным религиозным учениям для утверждения собственной власти³. Либеральная оппозиция во главе с Кан Ювэем призывала к соединению традиционных ценностей Поднебесной с экономическими достижениями Запада и парламентской

³ Название теократического повстанческого государства *Тайпин тяньго* («Небесное государство великого благоденствия») сочетает в себе христианское влияние с традиционными представлениями.

демократией. Другая группа оппозиционеров под руководством Сунь Ятсена ставила своей задачей свержение маньчжурской династии и создание республиканского государства. На рубеже XIX–XX вв. возникло ещё одно антизападное движение, вылившееся в Ихэтуаньское восстание (восстание «отрядов справедливости и мира»). В отличие от тайпинов, это движение было в высшей степени традиционным и призывало к полному устранению иностранного влияния в экономической, политической и религиозной жизни страны.

Прочность устоев конфуцианской государственности и сильный традиционный компонент в национальном самосознании привели к тому, что любые попытки возрождения страны на базе западных ценностей сталкивались с жёстким сопротивлением. Представление о превосходстве морально-этических принципов конфуцианства, которое преобладало в интеллектуальных кругах того времени, выражалось в формуле «китайская (т.е. конфуцианская) наука составляет основу, а западная носит прикладной характер» (кит. 中学为体, 西学为用)⁴.

Китай не мог поддаться западному влиянию с той же лёгкостью, что и Япония, имевшая длительный предшествовавший опыт заимствования внешней культуры. Реформы, направленные на укрепление мощи страны и противодействие внешним захватчикам, оказались подчинены военным нуждам, не обеспечив внутренней стабильности. Это привело к ослаблению трона и нарастанию противоречий, создав благоприятную почву для революции, гражданской войны и, наконец, полномасштабной войны с Японией.

Япония воспринималась в этих событиях как предатель, который вместо того, чтобы помочь «старшему брату»⁵, присоединился к захватнической политике колонизаторов и подверг страну «столетию унижения»⁶. В 1894 г., вскоре после отторжения у Китая Северного Вьетнама и установления там французского протектората, Япония начала войну против империи Цин с целью установления своего господства в Корее, находившейся в вассальных отношениях с Китаем. Таким образом, унижительная для Китая политика захвата его территорий западными странами была продолжена некогда близким и дружественным азиатским государством. Первую японо-китайскую войну завершил Симоносекский договор, по которому, помимо прочих условий, от Китая отторгались Тайвань, острова Пэнху и Ляодунский полуостров. Все последующие события и действия Японии (начиная с попытки захвата германских владений в Шаньдуне и «Двадцати одного требования»⁷ и заканчивая японской интервенцией в Маньчжурию и продвижением японской Императорской армии вглубь Китая во время войны 1937–1945 гг.) в итоге привели к серьёзной трансформации японо-китайских отношений.

⁴ По мнению некоторых исследователей, например, старшего научного сотрудника отдела китаеведения Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН Г.С. Каретиной, эта формула является ключом к пониманию политики Китая на протяжении всей новой истории страны (1840–1949 гг.) и сохраняет своё значение в настоящее время [Каретина 2015: 4].

⁵ Многие китайские просветители (среди них Хуан Цзунсянь, Лян Цичао, Сунь Ятсен) в духе конфуцианской традиции воспринимали отношения с Японией с позиций семейной иерархии и рассматривали Японию как младшего брата [Каткова, Чудодеев 2001: 59, 109, 134–135].

⁶ «Столетие унижения», или «столетие национального унижения» (кит. 百年国耻) – термин, используемый в китайской историографии для описания периода интервенции и вынужденного подчинения страны западным державам и Японии в период с середины XIX до середины XX в.

⁷ Список унижительных требований, врученный главе правительства Китайской Республики Юань Шикаю после успешного продвижения японских войск в Шаньдуне, который включал закрепление за Японией бывших германских владений и других территорий, а также допуск к принятию государственных решений, расширение прав экономической и просветительской деятельности японцев в стране.

Если во второй половине XIX в., по признанию исследователей японо-китайских отношений, в Китае возник кризис традиционного восприятия страны-соседа [Каткова, Чудодеев 2001: 34–74], то войну 1937–1945 гг. можно считать кульминацией этого кризиса. При этом очевидно, что новая модель взаимного восприятия формировалась в условиях поиска странами своего места в мировой истории и международных отношениях, который происходил при возрастающем давлении Запада. Роль западной составляющей сохраняет актуальность в японо-китайских отношениях и в послевоенный период.

Роль западной составляющей в отношении стран к своей исторической травме

Японо-китайская война 1937–1945 гг. остаётся тяжёлой травмой и для Китая, и для Японии, и память о ней, которая актуализировалась в последние десятилетия, наносит большой ущерб двусторонним отношениям. Причиной серьёзных противоречий остаются различия в оценках масштаба трагедии и меры ответственности за неё. Споры и конфликты возникают в связи с фиксацией исторических фактов в учебниках истории и музеях, разным пониманием подходящего и допустимого поведения бывшего агрессора, заявлениями политиков и СМИ. Но наиболее показательной можно считать проблему извинений государственных лидеров Японии. После нормализации японо-китайских отношений (1972 г.) высшие должностные лица Японии неоднократно произносили слова сожаления о прошлом. Однако китайская сторона воспринимает эти извинения как недостаточно сильные, что в полной мере отражает тяжесть полученной Китаем исторической травмы. С японской же стороны отголоски травмы проявляются в накопившейся за последние десятилетия усталости от извинений.

Если влияние Запада сыграло осязаемую роль на этапе зарождения и развития конфликта, то оно сохраняется и после войны. Возникшая под влиянием Запада трансформация породила неоднозначность в оценке коммунистами бывшего агрессора⁸. С одной стороны, подобно тому, как это делали китайские просветители во второй половине XIX в., китайские коммунисты говорили о близости японского и китайского народов, с другой стороны, они же подвергали Японию резкой критике за слабость перед западным империализмом. Здесь проявилось и чувство солидарности с Японией, соседней страной, которая, как и Китай, подверглась беспрецедентному западному давлению, и солидарность с простыми японцами, усиленная постулатом ленинской теории о том, что народ никогда не виноват.

Для китайской риторики первых послевоенных десятилетий было характерно чёткое отделение ответственности пришедших к власти милитаристов за развязывание войны от ответственности японского народа. Так, Чжоу Эньлай неоднократно подчёркивал, что японский народ тоже столкнулся с бедствиями и лишениями⁹. Сама же Япония воспринималась как жертва империалистической агрессии, угнетения и контроля со стороны США. Закономерное неприятие вызывает Договор безопасности между США и Японией, причём

⁸ В описании послевоенного периода речь будет идти только о коммунистическом Китае. Исследование исторической памяти на Тайване не входит в задачи данной работы.

⁹ 孙平化、王效贤。周恩来为浇开中日友谊之花倾注心血 [Сунь Пинхуа, Ван Сяоянь. Чжоу Эньлай сделал всё, чтобы расцвёл цветок дружбы Китая и Японии]. *人民网* [Жэньминьван], 18.02.2021. (На кит.). URL: <http://zhouenlai.people.cn/n1/2021/0218/c409117-32030509.html> (дата обращения: 15.10.2023).

«вторжение» США во внутренние дела страны-соседа сравнивается с японской агрессией против Китая. В 1952 г. газета «Жэньминь жибао» пишет, что «американский империализм заменил японский империализм в качестве главного виновника агрессии против стран Азии»¹⁰. Наблюдая за дальнейшим развитием событий и протестным движением в Японии, Мао Цзэдун выражает в 1964 г. восхищение антиамериканской демонстрацией японского народа [Мао Тсе-Тунг 2021].

В этом отношении важно подчеркнуть, что с окончанием Второй мировой войны борьба с империализмом для коммунистического Китая не закончилась, а напротив, как отмечалось в статье «Жэньминь жибао» в 20-летнюю годовщину победы, «на смену немецкому, итальянскому и японскому фашизму пришёл американский империализм, ставший самой агрессивной формой империализма»¹¹. Антифашистская война подразумевала для Китая не только борьбу с Японией, но и глобальную борьбу с западным капиталистическим миром вообще¹². Будучи побеждённым агрессором, с китайской точки зрения, Япония, как и многие другие страны, оставалась в сфере пагубного влияния Запада.

Говоря о китайском восприятии Японии, важно также учитывать обстоятельства гражданской войны в самом Китае. Борьба с внешним агрессором сопровождалась ожесточёнными столкновениями с внутренним соперником коммунистов Гоминьданом, при этом Мао Цзэдун не отрицал вклад Японии в благоприятный исход гражданской войны. Так, выступая в 1960-е гг. перед японской делегацией, Мао выразил благодарность японской Императорской армии и отметил, что «если бы Япония не захватила большую половину Китая, китайский народ бы не пробудился» [Мао Зедонг 1999: 201].

Относительно мягкое отношение к бывшему агрессору, нежелание акцентировать внимание на тяжёлых событиях недавнего прошлого определялось и конъюнктурными интересами, связанными со складывавшейся международной обстановкой и желанием коммунистов выйти из международной изоляции. Для того, чтобы получить дипломатическое признание стран Запада, Новому Китаю была необходима, в том числе, поддержка Японии, находившейся в орбите влияния США [Стрельцов 2016: 338–339].

Ещё одним внешним фактором, определившим сближение с Японией, стали нараставшие противоречия между КНР и СССР в 1950–60-е гг. В этих условиях Япония представлялась китайскому руководству значительно более привлекательным союзником и партнёром. Показательными явлениями для данного периода становятся поддержка со стороны Китая японской позиции по «северным территориям» в 1964 г. и достигнутый в 1972 г. компромисс по спорным островам Сэнкаку – проблемы, к которым отношение КНР в дальнейшем окажется диаметрально противоположным.

¹⁰ 中日两国人民团结起来，为反对美国侵略而斗争——纪念中国人民抗日战争十五周年 [Народы Китая и Японии объединяются для борьбы против американской агрессии – Празднование 15-летия Войны сопротивления китайского народа японским захватчикам]. *人民日报* [Жэньминь жибао], 07.07.1952. (На кит.). URL: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1952-07-07-1#85705> (дата обращения: 01.06.2023).

¹¹ 反法西斯战争的历史经验 [Исторический опыт антифашистской войны]. *人民日报* [Жэньминь жибао], 09.05.1965. (На кит.). URL: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1965-05-09-1#340106> (дата обращения: 15.10.2023).

¹² Fitzgerald, J. China's Anti-Fascist War Narrative: Seventy Years On and the War with Japan is Not Over Yet. *The Asan Forum*, November 17, 2015. URL: <https://theasanforum.org/chinas-anti-fascist-war-narrative-seventy-years-on-and-the-war-with-japan-is-not-over-yet/> (accessed: 16.10.2023).

Таким образом, в первые послевоенные десятилетия Запад, с одной стороны, оставался соперником для Китая (но уже в марксистской парадигме), с другой – был необходим стране как опора для выстраивания международных связей после победы коммунистов и основания нового государства. Это не могло не повлиять на восприятие Японии в КНР. Оно выстраивалось как с учётом традиционной модели (в которой Япония является «младшим братом» Китая и родственной азиатской страной), так и с учётом западного влияния на страну-соседа. Подвергая Японию резкой критике за слабость перед натиском Запада, Китай считал её жертвой американского империализма, которой предстоит решить задачу национального освобождения. Что касается антияпонских заявлений, связанных с войной, то на официальном уровне в этот период они практически не звучали.

Потеря актуальности упомянутых международных проблем (в 1972 г. после нормализации отношений с Японией была решена задача преодоления изоляции КНР, а с начала 1980-х гг. СССР всё меньше воспринимается как враг и угроза), вместе с политическими и экономическими процессами в Китае, приводит к качественному сдвигу в его позиции по отношению к Японии в 1980–90-е гг.

В этот период в КНР происходит идеологическая трансформация, связанная с тяжёлым внутривнутриполитическим кризисом в результате провала Большого скачка и последовавшей за ним «культурной революции». Взятый после смерти Мао Цзэдуна курс на выход страны из кризиса, в первую очередь экономические преобразования, получившие название политики «реформ и открытости», требовал новой идеологической базы для укрепления самооценки и национальной гордости китайского народа. В 1980-е гг. на смену марксистской идеологической парадигме приходит национализм, причём доминирующим нарративом в нём становится «виктимизация» – акцент на представлении Китая как жертвы, пострадавшей от агрессии стран Запада, включая Японию [Gries 2004: 48].

На протяжении дальнейших десятилетий в Китае наблюдается «обновление» памяти о войне, меняется образ страны и её народа в борьбе с японскими захватчиками [Перминова 2022: 345–349]. Необходимость консолидации китайской нации вокруг общей идеи усилилась после жестокого подавления антиправительственных демонстраций Народно-освободительной армией Китая на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. Именно в начале 1990-х гг. руководство страны объявило о начале государственной кампании «патриотического воспитания», которая привела к реинтерпретации ряда ключевых проблем военного прошлого. Если раньше обвинений в адрес Японии практически не звучало, то теперь стал акцентироваться статус её как агрессора, а упоминания о положительном вкладе в модернизацию Китая или о роли в борьбе с Гоминьданом исчезли из официального дискурса. Если раньше китайские власти отделяли ответственность японской элиты за развязывание войны от ответственности простого народа, то в 2000-е гг. это разделение пропадает [Vickers, Yang 2013: 29]. Обновлённая риторика активно транслировалась через систему школьного образования, военные памятники и музеи.

Характерным для 1990-х гг. стал рост масштабов экспозиций ведущих военных мемориалов Китая [Denton 2014: 133–152]. Так, «Мемориальный комплекс памяти жертв нанкинской резни» в Нанкине обновлялся и расширялся дважды – в 1995 и 2005 гг., примерно в это же время проводились крупные реконструкции «Музея сопротивления китайского народа японским захватчикам», расположенного в пригороде Пекина у моста Лугоуцяо. Оба мемориальных комплекса были открыты в 1980-е гг., а обновление их

экспозиций было приурочено к памятным датам трагических событий в Нанкине и Великой победы.

Помимо монументализации памятников, ещё одной характерной тенденцией последнего времени стало усиление глобальной перспективы в оценке Китаем тяжёлых событий прошлого. В 2005, 2010 и 2015 гг. (по случаю, соответственно, 60-летия, 65-летия и 70-летия победы в войне) в «Музее сопротивления китайского народа японским захватчикам» состоялись выставки, посвящённые всемирной борьбе с фашизмом и вкладу Китая в Великую победу. Это, с одной стороны, говорит об укреплении позиций страны на мировой арене, что даёт Китаю возможность подчёркивать свою глобальную роль, с другой – вновь отсылает к мотиву противостояния с Западом, который присутствовал и до войны, и во время неё в контексте борьбы с фашизмом.

Логическим продолжением идеологического курса последних десятилетий можно считать провозглашённую Си Цзиньпином в 2012 г. стратегическую концепцию «китайской мечты» (кит. 中国梦), или «мечты о великом возрождении китайской нации» (кит. 中华民族伟大复兴), в которой прослеживается очевидная связь с памятью о национальном унижении со стороны Запада и Японии и пропагандируется возвращение к великому Китаю, существовавшему до этих событий. В этом смысле ключевая идеологема «китайской мечты» – «два столетия» (кит. 两个一百年), которая подразумевает реализацию целей развития страны к двум знаменательным датам – столетию основания КПК и столетию основания КНР –отражает стремление преодолеть тяжёлую память о «столетии национального унижения».

В Японии направление, в котором формировалась память о войне, было иным и во многих отношениях противоположным. В первые послевоенные годы (1945–1952) представление японского общества о военном прошлом складывалось при участии оккупационной администрации, политика которой привела к смещению фокуса внимания с «Великой восточноазиатской войны» (яп. 大東亜戦争) к «Тихоокеанской войне» (яп. 太平洋戦争). В частности, в годы оккупации был введён прямой запрет на использование первого варианта названия в официальных документах, поскольку он вызывал нежелательные ассоциации с милитаризмом и японской агрессией.

Интересы оккупационной администрации требовали стабилизации обстановки и скорейшего послевоенного восстановления Японии, что соответствовало и приоритетам японского правительства. В послевоенные десятилетия особое внимание в стране уделялось смягчению военной травмы посредством государственного контроля в массовой культуре и сфере образования. Большая часть фильмов этого периода была посвящена именно событиям на тихоокеанском фронте. Что касается школьных учебников, то в них, как и в подавляющем большинстве японских СМИ и в других источниках – книгах, журналах, до сих пор употребляется термин «Тихоокеанская война» в противовес таким названиям, как «Пятнадцатилетняя война» (яп. 十五年戦争) и «Азиатско-тихоокеанская война» (яп. アジア・太平洋戦争), которые также отсылают к военным действиям на китайском фронте [Shōji 2011: 75–77]. Показательно, что по данным опроса, проведённого в начале 1990-х гг. специальной японо-китайской комиссией по исследованию учебников истории, японская молодёжь была лучше осведомлена о действиях США на Тихоокеанском театре военных действий, чем о событиях, связанных с японским наступлением в Китае [Nihon no seito...

1996: 1–27]. Результат опроса наглядно иллюстрирует смещение акцентов и размывание памяти о данной странице истории.

Помимо этого, восприятие итогов Тихоокеанской войны в Японии непосредственно связано с атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки, что ставит страну в позицию жертвы, несмотря на статус побеждённого агрессора. Такое осознание создаёт чувство психологического комфорта [Стрельцов 2015: 42] и парадоксальным образом помогает японцам принять послевоенное развитие событий, формируя соответствующее отношение к историческому прошлому.

Ориентация Японии на западный прогресс и западные ценности, которая только усилилась благодаря военному альянсу с США и активному взаимодействию с американской и европейской культурой, подвергается резкой критике в современном китайском дискурсе. В вопросах оценки исторической травмы китайской стороной, в обвинениях Японии в совершённых военных преступлениях можно видеть как отсылки к истокам конфликта, так и акцентирование влияния США на Японию в послевоенный период. Так, по мнению ряда китайских исследователей, именно давление США мешает Японии осознать свою вину и раскаяться в совершённых ошибках.

Приводя такие примеры, можно отметить, что, по мнению участников Китайского форума социальных наук, прошедшего в Пекине в 2010 г., Япония встала на путь войны, сформировав под влиянием противостояния Азии (т.е. Востока. – *Прим. авт.*) и Запада представление о своей исключительности. Поскольку после Токийского процесса Япония была вынуждена «покинуть Азию, не завоевав Европу» (т.е. фактически остаться в подчинённом положении по отношению к западному миру), то находясь на перепутье, она так и не смогла восстановить дружеские отношения со своими соседями. При этом политика США, по мнению участников форума, препятствует переосмыслению Японией собственной истории, поскольку всегда ставила на первое место продвижение американских интересов, а не проблему привлечения бывшего агрессора к ответственности [Li 2011: 21–24].

Аналогичная точка зрения была выражена в 2021 г. научным сотрудником Института изучения Японии Китайской академии современных международных отношений Хо Цзяньганом: Сан-Францисский мирный договор, к подписанию которого не был допущен Китай и другие страны Азии, «позволил бывшему агрессору остаться безнаказанным»; «использование американцами Японии в холодной войне в качестве щита для борьбы с Советским Союзом отодвинуло на второй план вопрос привлечения страны к ответственности»¹³.

На фоне регулярных извинений японских государственных лидеров и роста напряжённости в отношениях КНР с США в 2000-е гг. обвинения китайской стороной Японии в непризнании всей полноты ответственности (хотя порой и не лишённые оснований¹⁴) сложно не относить к так часто звучащей в Китае антиамериканской риторике.

¹³ 日本推卸战争责任越走越远 [Япония всё дальше уклоняется от ответственности за войну]. *新华* [Синьхуа], 23.09.2021. (На кит.). URL: http://www.news.cn/globe/2021-09/23/c_1310195738.htm (дата обращения: 15.08.2023).

¹⁴ Предметом недовольства стран Азии, пострадавших от японской агрессии, является противоречие между декларируемым сожалением японской стороны и посещением государственными лидерами Японии храма Ясукуни, где в том числе почитается память преступников, осуждённых военными трибуналами. Кроме того, в 2000-е гг. характер японских извинений изменился в содержательном плане, что заметно в речи премьер-министра С. Абэ 2015 г.

С японской стороны отсылка к Западу присутствует в знаковых речах премьер-министров Японии, связанных с войной¹⁵, но она возникает главным образом в контексте послевоенного восстановления страны, укрепления её связей с экономиками Юго-Восточной Азии и возвращения в мировое сообщество. Так, вместе со словами сожаления об ущербе и страданиях, причинённых народам Азии, Т. Мураяма выразил «глубочайшую благодарность странам мира, в первую очередь США, за оказанную поддержку и сотрудничество» и искреннюю радость в связи с установлением дружеских отношений со странами Азии, с США, всеми странами АТР, а также с Европой¹⁶. В речи премьер-министра Дз. Коидзуми (2005) была отмечена роль Сан-Францисского мирного договора в возвращении Японии в мировое сообщество¹⁷. Красной линией через все официальные заявления, связанные с войной, проходит утверждение пацифизма как главного достижения в развитии послевоенной Японии. В 70-летнюю годовщину окончания войны премьер-министр С. Абэ вновь подтверждает высшую ценность мира и процветания для японского государства, отмечая, что жизнь современных поколений стала возможной благодаря «руке помощи, протянутой большим числом стран, с которыми Япония яростно боролась как с врагами, в первую очередь США, Австралией и странами Европы»¹⁸.

В то же время в японских правительственных кругах имеет место мнение о коллективной ответственности Запада за развязывание агрессивной войны и роли западного фактора в действиях Японии. Оно ярко проявилось в полемике вокруг резолюции японской Палаты представителей 1995 г., которая выглядела довольно слабой с точки зрения извинений перед пострадавшими народами и раскаяния Японии за агрессивные действия, особенно по сравнению с одновременно прозвучавшей речью Т. Мураяма. Текст резолюции вызвал бурную дискуссию в парламенте, и в одном из черновых вариантов, предложенных либерально-демократической партией, содержалось утверждение о том, что «Япония попала в водоворот борьбы между великими державами¹⁹ за колониальное господство» [Mukai 1996: 1022–1023]. Этот тезис, который фактически означал, что агрессивная политика Японии ничем не отличалась от политики других западных стран, вызвал критику социалистической партии и не вошёл в итоговую резолюцию. Однако в финальном тексте об «агрессии» и «колониальном господстве» по-прежнему говорится лишь в общих чертах, с точки зрения исторических тенденций того времени.

¹⁵ Для анализа взяты наиболее значимые и показательные речи премьер-министров Японии, произнесённые на 50-летие (Т. Мураяма), 60-летие (Дз. Коидзуми) и 70-летие (С. Абэ) окончания войны.

¹⁶ 「戦後 50 周年の終戦記念日にあたって」 (いわゆる村山談話) [«По случаю 50-летней годовщины окончания войны» (Так называемое «Заявление Мураяма»)]. 外務省 [МИД Японии], 15.08.1995. (На яп.). URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/danwa/07/dmu_0815.html (дата обращения: 21.08.2023).

¹⁷ 小泉総理の演説・記者会見等 内閣総理大臣談話 [Речи и пресс-конференции премьер-министра Коидзуми. Заявление премьер-министра]. 首相官邸 [Кабинет министров Японии]. (На яп.). URL: <https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/11236451/www.kantei.go.jp/jp/koizumispeech/2005/08/15danwa.html> (дата обращения: 22.08.2023).

¹⁸ 平成 27 年 8 月 14 日 内閣総理大臣談話 [Заявление премьер-министра от 14 августа 2015 г.]. 首相官邸 [Кабинет министров Японии] (На яп.). URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/10992693/www.kantei.go.jp/jp/97_abe/discourse/20150814danwa.html (дата обращения: 22.08.2023).

¹⁹ В оригинале резолюции использовано слово *рэккё*: (яп. 列強, «великая держава»), которое относилось в военный период к Великобритании, Франции, нацистской Германии, Италии и США.

В центре внимания резолюции японского парламента 2005 г. наряду с 60-летней годовщиной окончания войны был юбилей ООН и роль организации в решении широкого круга проблем, стоящих перед мировым сообществом. При отсутствии прямых упоминаний об агрессии и колониализме в тексте документа присутствует отсылка к резолюции 1995 г., подчёркивающая неизменность общей позиции по отношению к военному прошлому.

В 70-ю годовщину окончания войны было официально объявлено о том, что в новой резолюции нет необходимости: отчасти потому, что эта дата не столь знаменательна, как 50-летие, отчасти из-за большого числа отсутствовавших при голосовании за предыдущую резолюцию²⁰. С точки зрения японского менталитета это можно объяснить отсутствием абсолютного единства в оценке недавнего исторического прошлого японским парламентом, который предпочёл оставить слово за премьер-министром во избежание конфликта.

По случаю 70-летия окончания войны С. Абэ действительно даёт исчерпывающие ответы на насущные вопросы, в том числе впервые напрямую обращаясь к проблеме западного колониализма и истоков конфликта. По словам премьер-министра, «колониальная экспансия Запада», его «подавляющее технологическое превосходство» подтолкнули Японию на путь модернизации. В результате Япония стала «первой в Азии страной, учредившей конституционное правительство». Способность страны защитить свою независимость и её победа в русско-японской войне «придали смелости многим странам Азии и Африки, находившимся под колониальным управлением». После Первой мировой войны, намереваясь присоединиться к масштабному движению наций за самоопределение и участвовать в создании нового миропорядка, Япония «столкнулась с серьёзным экономическим ударом» в результате «мировой смуты» и «создания странами Запада экономических блоков с вовлечением колониальных экономик». «В этих условиях Япония ... попыталась преодолеть дипломатический и экономический тупик с помощью силы»²¹. Таким образом, агрессия Японии представлена в речи С. Абэ как вынужденный ответ на угрозу западного империализма, что вновь дало повод китайским СМИ обвинить японскую сторону в уклонении от ответственности²².

Основные тезисы речи С. Абэ соответствуют видению Японией своего места в современном мире и официально декларируемому стремлению японского государства не перекладывать ответственность на будущие поколения, которые не имеют отношения к прошлой агрессии. Подчёркивая, что Япония стала другой страной и больше не ступит на путь войны, Абэ пытается найти выход из периода *сэнго* (яп. 戦後, «после войны»), когда японцы должны бесконечно акцентировать внимание на прошлом и продолжать извиняться. В то же время, говоря о солидарности с народами Азии в период, предшествовавший войне (способность Японии достойно выйти из ситуации возрастающего западного давления

²⁰ 戦後 70 年国会決議「必ずしも必要ない」 谷垣幹事長 [Резолюция парламента по случаю 70-летия окончания войны «не обязательна», исполнительный секретарь Танигаки]. *TV Asahi*, 17.03.2015. (На яп.). URL: https://news.tv-asahi.co.jp/news_politics/articles/000046534.html (дата обращения: 27.10.2023).

²¹ 平成 27 年 8 月 14 日内閣総理大臣談話 [Заявление премьер-министра от 14 августа 2015 г.]. *首相官邸* [Кабинет министров Японии] (На яп.). URL: https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/10992693/www.kantei.go.jp/jp/97_abe/discourse/20150814danwa.html (дата обращения: 22.08.2023).

²² Своё разочарование речью Абэ выразило, например, агентство Синьхуа в статье: 战后 70 周年: 中日关系何处去 [70 лет после войны: куда движутся китайско-японские отношения?]. *新华* [Синьхуа], 16.08.2015. (На кит.). URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-08/16/c_128133897.htm (дата обращения: 22.08.2023).

«придала смелости многим странам Азии и Африки»), и делая отсылку к роли Запада в развязывании конфликта, Абэ подчёркивает сложность глубинных причин этого конфликта и подразумевает возможность (и необходимость) выстраивания равноправных отношений со всеми его сторонами в современных условиях.

Заключение

В данной работе сделана попытка выделить фактор противостояния Востока и Запада в японо-китайских отношениях и рассмотреть с этой точки зрения те проблемы, которые возникли в середине XIX в., достигли своей кульминации в XX в. во время японо-китайской войны и продолжают осложнять отношения двух стран в настоящее время в форме исторической памяти. Как показало исследование, хотя фактор западного влияния и не является единственным, он достаточно важен для понимания истоков кризиса японо-китайских отношений и оценки его последствий каждой из стран в современных условиях.

В первой части работы мы проследили, как, столкнувшись с натиском Запада в XIX в., Китай и Япония искали своё место в системе международных отношений, и определили основные отличия выбранных ими путей преодоления кризиса. Во второй части сделан акцент на развитии японо-китайского конфликта и проблеме оценки каждой из стран своей исторической травмы с учётом западной составляющей. Можно утверждать, что ни Япония, ни Китай не свободны от западного влияния не только в вопросах самоидентификации, но и в формировании отношения к стране-соседу.

Эволюция взаимного восприятия Китая и Японии и изменение их отношения к исторической травме в послевоенный период были в значительной степени связаны с западным фактором. Так, желание заручиться поддержкой Запада для выхода из дипломатической изоляции во многом определило относительно мягкое отношение КНР к бывшему агрессору в первые послевоенные десятилетия. В то же время сближение Японии с США выступало негативным фактором в оценке Китаем пути, выбранного Японией после войны, и способности этой страны признать свои ошибки. Влияние Запада на Японию в связи с рассмотренными проблемами можно свести к формированию в первые послевоенные годы взгляда на войну с определённого ракурса (смещению фокуса внимания с Великой восточноазиатской войны к Тихоокеанскому театру военных действий) и сглаживанию острых углов в сохранившейся памяти о войне под влиянием политики американских оккупационных властей. В послевоенный период страны Запада являются неотъемлемой частью глобальных экономических и политических связей Японии. В то же время, оглядываясь в прошлое, японские националистические круги используют прозападную риторику для оправдания военной экспансии.

Взросшее в последнее время желание японских политических кругов добиться большей самостоятельности страны в оборонной политике косвенно отражается и на оценке военного прошлого, в том числе в виде критических замечаний в отношении западного колониализма, допущенных в речи премьер-министра С. Абэ в 2015 г. Фактор отношений с США нельзя не учитывать и для китайской стороны, поскольку усиление напряжённости в китайско-американских отношениях отражается на оценке действий Японии.

В современном мире отношения Японии и КНР со странами Запада продолжают меняться. Характер и направление этих изменений будут определять и современное состояние японо-китайских отношений, и интерпретацию странами своего исторического прошлого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Каретина Г.С. Конфуцианство в процессе модернизации Китая // Известия Восточного Института. 2015. № 26 (2). С. 3–9.
- Каткова З.Д., Чудодеев Ю.В. Китай – Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н. э. – 30–40 гг. XX в.). М.: ИВ РАН – Крафт+, 2001. 370 с.
- Мещеряков А.Н. Внешний фактор в истории Японии и проблема национальной самоидентификации // Восток. 1992. № 4. С. 15–20.
- Перминова В.А. «Обновление» памяти об антияпонской войне в Китае и её влияние на отношения между Пекином и Токио в 90-е гг. XX века // Общество и государство в Китае. Т. LII / Редколл.: А.И. Кобзев, гл. ред. [и др.]. М.: ИВ РАН, 2022. С. 341–370.
- Стрельцов Д.В. Виктимность как часть послевоенной идентичности Японии // Российское японоведение сегодня: к 20-летию Ассоциации японоведов. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 38–45.
- Стрельцов Д.В. Идентичности России и Японии в послевоенный период (1945–1991 гг.) // Ежегодник Япония. 2016. Т. 45. С. 337–352.

REFERENCES

- Karetina G.S. (2015). Konfucianstvo v processe modernizacii Kitaya [Confucianism in the Process of China's Modernization]. *Izvestiya Vostochnogo Instituta [Oriental Institute Journal]*, 26 (2): 3–9. (In Russian).
- Katkova Z.D., Chudodeev Yu.V. (2001). *Kitaj – Yaponiya: lyubov' ili nenavist'?* K probleme evolyucii social'no-psihologicheskikh i politicheskikh stereotipov vzaimospriyatiya (VII v. n. e. – 30–40 gg. XX v.) [*China–Japan: Love or Hatred? On the Problem of the Evolution of Sociopsychological Stereotypes of Mutual Perception (7th Century BC–the 1930s–1940s)*]. Moscow: Kraft+. 370 p. (In Russian).
- Meshcheryakov A.N. (1992). Vneshnij faktor v istorii Yaponii i problema nacional'noj samoidentifikacii [External Factor in the History of Japan and the Problem of National Self-Identification]. *Vostok [Oriens]*, 4: 15–20. (In Russian).
- Perminova V.A. (2022). “Obnovlenie” pamjati ob antijaponskoj vojne v Kitae i ejo vlianie na otnoshenija mezhdru Pekinom i Tokio v 90-e gg. XX veka [“Renewal” of the Memory of the Anti-Japanese War in China and its Impact on Relations between Beijing and Tokyo in the 1990s]. In: *Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and State in China]*, vol. LII, pp. 341–370. (In Russian).
- Streltsov D.V. (2015). Viktimnost' kak chast' poslevoennoj identichnosti Yaponii. In: *Rossijskoe yaponovedenie segodnya: k 20-letiyu Associacii yaponovedov [Russian Japan Studies Today: to the 20th Anniversary of the Association of Japanologists]*. Moscow: IDV RAN [IFES RAS], pp. 38–45. (In Russian).
- Streltsov D.V. (2016). Identichnosti Rossii i Japonii v poslevoennyj period (1945–1991 gg.) [Identities of Russia and Japan in the Post-War Period (1945–1991)]. In: *Ejegovodnik Yaponiya [Yearbook Japan]*, vol. 45, pp. 337–352. (In Russian).

* * *

Denton, Kirk A. (2014). *Exhibiting the Past. Historical Memory and the Politics of Museums in Postsocialist China*. Honolulu: University of Hawai'i Press. 360 p.

- Gries, Peter Hays (2004). *China's New Nationalism. Pride, Politics, and Diplomacy*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press. 224 p.
- Li Wei (2011). Lun Riben de lishi fansi yu ziwo guoji diwei [On Japan's Historical Reflection and International Self-Positioning]. *Shixue lilun yanjiu [Historiography Bimonthly]*, 1: 21–24. (In Chinese).
- Mukae, Ryuji (1996). Japan's Diet Resolution on World War Two: Keeping History at Bay. *Asian Survey*, 36 (10): 1011–1030. DOI: 10.2307/2645631
- Nihon no seito, gakusei no 15 nen sensōkan to kyōkasho: nitchū rekishi ni kan suru ishiki chōsa [Japanese Students' Views on the 15-year War and Textbooks: a Survey of Attitudes Regarding the History of Japan and China]* (1996). Tokyo: Nihon kyōshokuin kumiai `sengo 50-nen to Nihon no kyōiku' purojekuto Nitchū kyōkasho kenkyū tokubetsu iinkai [Japan Teachers Union, “50 Years After the War and Japanese Education” Project, Japan-China Textbook Research Special Committee]. (In Japanese). 55 p.
- Mao Tse-Tung (2021). Statement Expressing the Chinese People's Support for the Japanese People's Great Patriotic Struggle (January 27, 1964). In: *Selected Works of Mao Tse-Tung*. Paris: Foreign Languages Press, vol. IX, pp. 42–43.
- Mao Zedong (1999). Mei diguozhuyi shi zhongri liangguo renmin de gongtong diren (1960 nian 6 yue 21 ri) [U.S. Imperialism is the Common Enemy of the Chinese and the Japanese People (June 21, 1960)]. In: *Mao Zedong wenji [Collected Works of Mao Zedong]*. Beijing: Renmin chubanshe, vol. 8, pp. 200–208. (In Chinese).
- Shōji Junichirō (2011). Nippon niokeru sensō koshō nikansuru mondai no ichi kōsatsu [A Study on the Issue of War Designations in Japan]. *Bōei kenkyūjo kiyō [NIDS Security Studies]*, 3 (13): 43–80. (In Japanese). URL: http://www.nids.mod.go.jp/publication/kiyo/pdf/bulletin_j13-3_3.pdf (accessed: 18.10.2023).
- Tanaka, Stefan (1993). *Japan's Orient: rendering pasts into history*. Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press. 320 p.
- Vickers, Edward & Yang, Biao (2013). Shanghai's History Curriculum Reforms and Shifting Textbook Portrayals of Japan. *China Perspectives*, 4: 29–37.

Поступила в редакцию: 29.10.2023

Принята к публикации: 31.10.2023

Received: 29 October 2023

Accepted: 31 October 2023